

УДК 821  
ББК 83

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-11-19

## МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПТИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Р. Х. Шарьяфетдинов

**Аннотация.** *Статья посвящена многоаспектному анализу изображения и функций обращения к мифологическому образу Птицы в современной татарской литературе как отображению традиционной культуры и мифологии тюркских народов Российской Федерации. В комплексном исследовании, в центре которого находится мифопоэтика современной татарской прозы, рассматриваются литературные обращения к мифам животного мира в общем и мифопоэтике Птицы в частности во взаимосвязи с татарским фольклором, мусульманской историей, традициями восточных литератур. Результаты проведенного анализа применимы в дальнейших теоретических и практических сравнительно-сопоставительных исследованиях, а также в изучении мифопоэтики литератур народов Российской Федерации на современном этапе.*

**Ключевые слова:** татарская литература, образ, мифология, Птица, мифопоэтика, современная татарская проза.

**Для цитирования:** Шарьяфетдинов Р. Х. Мифологический образ Птицы как отражение культуры татарского народа в современной литературе // Наука и школа. 2021. № 5. С. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-11-19.

## THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE BIRD AS A REFLECTION OF THE CULTURE OF THE TATAR PEOPLE IN MODERN LITERATURE

R. Kh. Sharyafetdinov

**Abstract.** *The article is devoted to a multidimensional analysis of the image and functions of referring to the mythological image of the Bird in modern Tatar literature as a reflection of the traditional culture and mythology of the Turkic peoples of the Russian Federation. The*

© Шарьяфетдинов Р. Х., 2021



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License  
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

*study, which focuses on the mythopoetics of modern Tatar prose, examines literary references to the myths of the animal world in general and the mythopoetics of a Bird in particular in connection with Tatar folklore, Muslim history, and the traditions of Eastern literatures. The results of the analysis are applicable in further theoretical and practical comparative studies, as well as in the study of the mythopoetics of the literatures of the peoples of the Russian Federation at the present stage.*

**Keywords:** *Tatar literature, image, mythology, bird, mythopoetics, modern Tatar prose.*

Cite as: Sharyafetdinov R. Kh. The mythological image of the bird as a reflection of the culture of the Tatar people in modern literature. *Nauka i shkola*. 2021, No. 5, pp. 11–19. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-11-19.

---

**В** древнетюркской религиозно-мифологической системе почитание Неба и всех его объектов являлось важным элементом мифологических воззрений народа [1] и основывалось на идее существования «небесной земли», населенной небесными людьми. В данном контексте мифологические образы Птиц, выступающие как обязательный элемент мифологической системы и ставшие объектом многих исследований [2, с. 504; 3; 4], могли выполнять разнообразные функции: «божеств, героев, ездовых животных богов, шаманов; тотемных предков и т. п. [...] могли выступать как мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, изобилия, подъема, восхождения, вдохновения, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, души, дитяти, духа жизни и т. п.» [5, с. 346]. Так, образы некоторых Птиц в тюркском фольклоре имеют сакральный характер и сопоставляются с образом Солнца, а звуки небесного грома и крика птиц ассоциировались с Солнцем и небом, так как птицы «летали высоко в небе и откладывали белые яйца, похожие на небесные светила» [1, с. 70]. Кроме того, мифологический образ Птицы традиционно в мифологии связан с мировым деревом или деревом Жизни, на вершине

которого часто она располагается, и противопоставляется образам животных нижнего мира (змеям) и воды (рыбам). Трансформированной версией образа Птицы на древе называется также распространенный сказочный мотив спасения героем птенцов от змей, за что Птица помогает и выносит героя из подземного мира.

Обращение в татарской литературе к мифологическому образу Птицы и отдельным ее видам, изображение их повадок, являясь наиболее древним пластом в лексике и фольклоре, лежит в основе многих народных примет, определения времени года и т. д. [6, с. 34], древних верований народа в птицу-первопредка, в возвращение души-птицы [7, с. 23], в мифопоэтической роли птицы в сотворении земли [8]. Так, обращение в татарской литературе к мифологическому образу Птицы и различных ее видов достаточно частотное и устойчивое на всем протяжении ее развития: *ворона/вороны* (Г. Тукай, Н. Думави, Н. Исанбет); *голубя* (Г. Тукай, Ф. Бурнаш, Н. Исанбет, Ш. Идиатуллин); *соловья* (Г. Баширов, Зульфат, ст. Г. Зайнашевой «Соловей-соловушка», ст. Б. Рахимовой «Соловей», Р. Валеева, Р. Харис, Л. Зулкарнаев, М. Магдеев); *орла/беркута* (Ф. Бурнаш, Н. Исанбет, в символике долголетия – в романе Р. Мухамадиева «Взлететь бы мне птицей...») [9, с. 140];

лебеда (Н. Исанбет, Р. Файзуллин, И. Юзеев, Р. Миннуллин, ст. Г. Гильманова «Не лебедь я», рас. Ф. Яхина «Печаль лебеда»); журавля (ст. Ф. Яруллина «Растаял в дымке мой аул, мой рай, мой рок», «Ты сказала: «Бежит, спешит дорога в край родной...»; пов. Н. Гиматдиновой «Проклятие белого журавля»); жаворонка (А. Еники, Р. Валеева); совы/филина (Р. Кутуя, Р. Зайдулла); гуся (М. Гафури, Танчулпан, И. Юзеев); чайки (Ш. Камал, Ф. Байрамова); утки (Ф. Садриева, Н. Гиматдинова); воробья (К. Каримов); ласточки (Ш. Идиатуллин); кукушки (А. Еники); грача; сороки; петуха и многих других. Сравнительно-сопоставительное изучение данных видов птиц в национальных тюркоязычных в общем и татарской литературе в частности представляется филологически интересным, перспективным и, надеемся, будет продолжено в дальнейших исследованиях современных литературоведов.

Мифологический образ Птицы может одариваться функциями посредника между мирами, наделяющими их даром целительства и воскрешения. Многие мифологические персонажи (как положительные, так и отрицательные) обладают признаками птиц, что позволяет говорить об амбивалентности их символики.

С принятием татарами Ислама (X в.) образ Птицы в культуре часто также связывается с различного рода легендами и коранической историей о народе «Людей колодца» («асхаб ар-расс») (25:38; 50:12) [10], с образами «Пэри», «часто изображавшихся с птичьими лапами или наделенной способностью превращаться в птицу» [11, с. 142]. Важное место в мифологических воззрениях тюрков [12] занимает восходящий к образу мифологической птицы иранских народов образ Птицы Счастья – Хумай, в башкирской культуре считающаяся златовласой дочерью царя птиц Самрау и Солнца и часто изображающаяся в образах лебеда или женщины. Считается, что тот, кто

окажется в ее тени, будет счастливым и удачливым. В современной татарской прозе выявляется традиционное в мировой литературе значение птицы счастья: «вот и попалась птица счастья, сказочная синяя птица» (пер. Р. Мухаммадиева) [13, с. 468]; «Прости, это я за тебя радуюсь. Значит я не вор, который не хочет украсть чужую птицу счастья», «Если упустишь из рук птицу счастья, ищи ее потом!» [14, с. 50, 65]. Значение счастья находит отражение в современной татарской лирике: ст. Р. Гаташа «Мой странен сон: как будто умер я», Ф. Зиятдинова «Спасибо тебе, Птица Счастья!», Ф. Муслимовой «Парадокс», Р. Рахмани «На двоих одна судьба» (пер. В. Хамидуллиной) [15, с. 443] и др.

Обращение к традиционному в татарском фольклоре образу Птицы восходит к древнейшим тотемным представлениям об идее возникновения людей от птиц, превращения человека в птицу и наоборот. В мифоритуальной традиции прослеживалась тесная связь небесных людей с птицей-божеством, представлявшейся предком тюркского этноса, что в дальнейшем послужило уподоблению людей птицам и крылатым существам. В татарском фольклоре этот образ часто связан с потусторонним миром, душой человека, что преобразилось впоследствии в веру в трансформацию душ после смерти человека в птицу или бабочку, а также характеристиками птиц человеческими качествами, отображенными в татарских сказках («Слуга и царь птиц» («Хезмэтче һәм кошлар патшасы»), «На вершине мраморной горы» («Мәрмәр тавы башында») и др.).

Оставаясь открытым для художественных трансформаций, в истории татарской литературы, основанный на идее тождества людей и птиц, образ получает различные художественные интерпретации, вместе с тем, как отмечает Л. Х. Давлетшина, «сохраняет признаки, восходящие к мифопоэтической традиции» [16, с. 14]. В основе обращения

к образу часто лежат внешние и физические данные птиц, к примеру, большие когти и хорошее зрение, а характеристика человека «Птица» могла иметь иронический оттенок: человек с особым характером [17, с. 287].

Часто в произведениях татарской литературы, где отмечается повышенный интерес к образу птицы, он становится символом татарской нации, вынужденной скитаться по чужим странам в поисках счастья. Такого рода символизм находит отражение в повести Г. Рахима «Идел» и Ш. Камала «Акчарлаклар».

Обращение к мифологическому образу Птицы и отдельных ее видов, являясь наиболее древним пластом в лексике и фольклоре (в сказках «Око за око, зуб за зуб» (пер. А. Садековой), «Львица» (пер. Ф. Урманчеева), «Офицер и солдат» (пер. Ф. Урманчеева), «Ибрай» (пер. Ф. Урманчеева), «Пригожая Хадича» (пер. А. Бадюгиной), «Ремесло выручит» (пер. Р. Шагеевой), «Плешивый у пэри» (пер. А. Бессоновой), «Ловкий джигит» (пер. Р. Шагеевой), «Старик и лентяй» (пер. А. Бадюгиной), «Хитрый падишах» (пер. Р. Садековой), «Все колотят да колотят» (пер. А. Багюгиной)) [18, с. 94, 168, 178 и др.], находит широкое отображение в произведениях классической и современной татарской литературы, где он приобретает различные значения: *возраста: молодости* (ст. Р. Аймета «Монолог одной поэтессы», К. Сибгата «Старик на скамейке» (пер. А. Зорина)); юность – ласточка, старость – орел (ст. К. Сибгата «Старик на скамейке» (пер. А. Зорина)); *души* (ст. Р. Аймета «Последняя песня лета», Л. Янсуар «В глазах моих смутные бродят тени», Л. Шаеха «Из синевы небес...») [9, с. 403]; *веры* (ст. Н. Сафиной «Я поверила птице» (пер. В. Хамидуллиной)) [15, с. 431]; *печали, плача* (ст. Р. Файзуллина (1943 г.р.) «Птица – печаль», Х. Аюпа «Плач птицы», ст. А. Баянова «Ближе к осени» (пер. Р. Кожевниковой)) [15, с. 177];

*памяти* (ст. Ф. Зиятдинова «Голоса птиц»); *Родины* (ст. Р. Курбанова «Птицы летят...»); *семьи* (ст. А. Маликова «Ода счастливой семье»); *сердца* (рассказ Р. Зайдуллы «Тимер Буга»); *дома* (ст. Р. Кутуя «В гнезде осени», «Гнездо»); *детства* (лирика Р. Кутуя); *горя и радости* (ст. К. Латыпа «Два крыла» (пер. В. Агафонова)) [15, с. 175]; *бессилия* (ст. Ф. Зиятдинова «Опустились усталые крылья...» (пер. А. Гайсиной)) [15, с. 239]; *одиночества* (ст. Р. Аймета «Торжество» (1998)); *отрады* (ст. Р. Ахметзянова «В рассвет сорвалась пара яблок» (пер. Л. Ф. Переведенцева)); *помощи, сострадания* (ст. Р. Кутуя «Галчонок выпал из гнезда») и многих других.

К изображению птицы как символа связи с прошлым, связи с предками обращается Р. Валеев в стихотворении «В стране Болгар»: поэт называет птиц «духом предков». Ранее использованный в рассказе А. Еники «Красота» образ, который, к примеру, характеризует-ся как птица, приносящая своим пением на землю «спокойствие и "покой"» [9, с. 152], в современной татарской лирике становится проводником между прошлым и настоящим, а лирический герой напрямую связывает себя с древними булгарами.

Обращение к мифологическому образу птицы в произведениях конца XX в. объединено в образах крылатых людей-птиц, характеризующихся «необычностью происхождения, поклонением Небу, единством людей и природы, развитием мира по гармонизирующим законам нравственности» и воспринимаемых в татарском фольклоре в качестве обобщающего образа «небесного народа», а в реальной жизни – татарского этноса. Так, архетипический образ Людей-птиц перевоплощен в идею уподобления птицам в творчестве М. Магдеева, М. Юныса, а также «проявляется в парных образах, раскрывается через противоположность земных и небесных людей в творчестве Г. Гильманова,

Н. Гыйматдиновой, Ф. Байрамовой, в произведениях которых герои способны парить над землей и, с одной стороны, неразрывны с Небом, чисты душой и помыслами, с другой – это несчастные люди с поломанными крыльями и судьбами» [19, с. 111]. Кроме того, в татарской прозе, наряду идеализированным воплощением архетипического образа людей-птиц, встречается и юмористическая интерпретация данного образа: в рассказе Т. Н. Галиуллина «Птица Семруг» древняя мифологическая птица становится отрицательным героем, превращается в своего двойника, а также иногда приобретает комическое освещение для раскрытия внутреннего дуализма человеческой сущности.

К символике образа птиц авторы также обращаются в характеристике людей, их качеств, отдельных групп: к примеру, в современной татарской лирике продолжают традиции татарской литературы XX в., образ приобретает уже упомянутую выше символику народа, вынужденного скитаться на чужбине (Ш. Камал), в изображении мира Птиц как неотъемлемой части природного мира, в котором отражается все, что происходит в мире людей, в повести Н. Гиматдиновой «Грустить не буду...»: «Птицы тоже ныне не те, что прежде, сынок. Если уж весь мир перевернулся, то с этих-то что взять» [14, с. 55]. Кроме того, с помощью обращения к различным видам птиц в повести характеризуется разность социального происхождения, сословной принадлежности людей: «Хороша пара – кулик да гагара!» [14, с. 79].

Символизация образов животного мира занимает центральное место в структуре повести Р. Башарова «Крик заблудившейся птицы» (2003), где при изображении чеченской войны, российских солдат и чеченского народа автор использует образы Птиц и Волков: российские солдаты сравниваются с заблудшими в чужой стороне птицами, а местные чеченцы – с волками, защищающими

родную землю. В целом образ Птиц в повести также символизирует человека, истории людей и народов, заблудившихся в дебрях своих судеб.

К образу Птицы авторы часто обращаются в характеристиках героев своих произведений (ст. Л. Янсуар «В глазах моих смутные бродят тени», «Обида»; Р. Кутуя «На кладбище»). Такого рода характеристики обнаруживаются в посвященном жизни летчика Рафаэля Смакова романе Р. Мухамадиева «Взлететь бы мне птицей...» (2008), автор которого обращается к образу Неба, образу Птиц, приобретающих различные значения. С птицами *сравнивал* себя человек, который веками «мечтал летать как они» [20, с. 137]; состояния *грусти и печали* главного героя романа передается в сравнении со «сломавшей крыло птицей, упавшей на землю» [20, с. 140]; *счастье* главного героя характеризуется как «желание кружиться, лететь птицей» [20, с. 141]; изображение различных душевных состояний героя связано также с *крыльями*: моменты радости, когда «у героя за спиной вырастает крылья» [20, с. 122], *потери* любимой – «состояние потери крыльев» [20, с. 142,158]; влюбленные герои называются «птицами одного гнезда» [20, с. 153]. Через образ Птицы передаются *добрые отношения* невестки и свекрови, которая несмотря на то, что «изъявления ласк и нежностей не приняты у татар, [...] при встрече обвила [ее] руками, точно птица своего птенца» [20, с. 176]. Кроме того, в образе птицы реализовано изображение *души* главного героя: в финале романа из огня взорвавшегося самолета Рафаэля «взлетела какая-то чудная *птица*, и мгновенно взмыв высоко-высоко в синее небо, энергично махая крыльями, улетила куда-то далеко-далеко в сторону на юг» [20, с. 238], в сторону священной для мусульман мечети в Мекке. В мировой культуре данный образ души-птицы иногда перекликается с образом птицы-предвестника смерти героя.

С птицей также сравнивается приехавший в Казань на учебу герой романа автора «Мост над адом», мальчик Мирсаид, который «был похож на вырвавшуюся из клетки птицу, которой предстояло освоиться в незнакомом и грозном лесу» [21, с. 28].

В использовании эпитетов и метафор в татарской литературе также находят отражение частные элементы образа Птицы (крыло, перо, пение и др.) в различных значениях: крыло – красота (поэма Р. Хариса «Художник»); крыло – поддержка (ст. М. Аглямова «Хвали – не захвалишь...»); Ф. Муслимовой «Два дуба»); крыло – надежда (ст. Ч. Зариф «А я тебя любила...»); крыло – печаль (ст. Ч. Зариф «А я тебя любила...»); перо – судьба (ст. Р. Закирова «Судьба крылатых») и др.

Частотным значением образа Птицы в литературе представляется значение *свободы* (ст. Р. Рахмани «Мечты» (пер. В. Хамидуллиной) [15, с. 437], Р. Файзуллина «Птицы», Д. Ахтямовой «Платье – над нами» (пер. Л. Газизовой) [15, с. 577], Р. Аймета «Птица ли? Раб ли?» и др.). По мнению Ф. И. Габидуллиной, архаические представления о цепочке «птица – свобода – человек» сохраняются в произведениях татарской литературы на всем протяжении ее эволюции. [22, с. 32–34]. Наряду с этим, однако, в рассказе «В ночь, когда далеко до рассвета» Птица неотъемлемо связана с *родной землей и памятью о ней*: «Хоть и вольготно на чужбине, да вспоминается родная земля» (пер. Г. Хасановой) [23, с. 37].

В стихотворении Р. Аймета «Птица ли? Раб ли?» образ Птицы также приобретает значение *свободы*: здесь человек – раб, а его душа – свободна, всегда стремится в голубую высь, а человек, не имеющий крыльев и тело которого ограничено, вынужден жить на земле. В другом стихотворении «Торжество» автор определяет людей как птиц с подрезанными крыльями, а лирический герой

«с окровавленными крыльями живет и на земле, и на небе» [9, с. 149]. Такого же рода значение обнаруживается и в романе Р. Мухамадиева «Мост над адом»: «Башкиры, дети природы, проснитесь! Пускай содрогнется земля, грянет гром на склонах Урала! Птица свободы и независимости не прилетит к нам сама» [21, с. 30].

Образ птицы в повести Н. Гиматдиновой «Грустить не буду...» – символ *свободного, создания Бога, полностью независимого только от Него*: «Всевышний только птицам не дал [постоянного] дома, воды и пищи. Поэтому птица ночует на каком-нибудь кустике, а потом, не умывшись, летит искать корм. Но человек так жить не должен...». Не случайно главную героиню повести зовут Сандугач (Соловушка), которая «и в самом деле была птицей, только крылья у этой птицы были опалены». Выросшая в деревне, она с грудью вспоминала о деревне, откуда уехала в молодости и «по ночам она по-прежнему бредила деревенскими улочками, родником и речкой...». Даже живущей в городе героине, когда она провожала знакомую к поезду, отправляющемуся в деревню, показалось, «что от ее сердца вот-вот отколетсся кусочек ее деревни. Не забыла она, не забыла...» [9, с. 35].

Многозначность образа Птицы проявляется в значениях *жизни*: в повести М. Юнуса «Огонь горит лишь на свечах» образ птицы в общем и птичьей песни символизирует саму жизнь, «жизнь продолжалась вместе с пением птиц» (пер. Э. Хуснутдиновой) [9, с. 435] и традиционного в татарской литературе значения *смерти* (ст. З. Мансурова «Мой конь» (пер. Н. Ишмухаметова) [15, с. 445], Р. Кутуя «На кладбище» и др.). Обращение к образу фантастической черной птицы (Каракош) в историческом произведении Р. Батуллы «Сююмбике» символизирует силы «безжалостного, безобразного разрушения»: образ черного стервятника, кружившего над

разрушенного городом, а позже – водрузившегося на могиле царицы Сююмбеки, олицетворяет разрушение, исчезновение города, гибель героини.

Таким образом, мифологический образ Птицы, являющийся неотъемлемой частью мифологии животного мира народа, занимает значительное место в сюжетно-образной системе произведений современной татарской лирики (Р. Аймет, Р. Кутуй, К. Латып, Р. Ахметзянов, Л. Янсуар и др.) и прозы (Р. Зайдулла, Р. Мухамадиев, М. Магдеев, М. Юныс, Г. Гильманов, Ф. Байрамова, Н. Гиматдинова и др.). Птица имеет и традиционные значения сакрального существа, тотема, посредника между

мирами, а также приобретает значение счастья (Р. Гаташ, Р. Мухамадиев, Ф. Зиятдинов, Ф. Муслимова и др.), характеристик героя, его возраста, взаимоотношений между героями, различных состояний (счастья, печали, грусти, радости), а также значения свободы (Р. Рахман, Р. Файзуллин, Р. Аймет, Р. Мухамадиев), веры, памяти, дома, Родины, жизни (М. Юныс) и смерти (З. Мансуров, Р. Кутуй, Р. Батулла) и др. Результаты исследования представляются важными и актуализирующими перспективы дальнейшего сравнительно-сопоставительного анализа мифопоэтики татарской литературы на протяжении всей ее истории.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новгородова Э. А. Образ птицы как один из символов историко-культурного единства алтайских народов Центральной Азии // Тез. докл. XXIX сессии постоянной междунар. алтаистической конф. Ташкент, 1986.
2. Абашева Д. В. и др. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: колл. моногр. М.: Книгодел, 2019.
3. Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: моногр. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019.
4. Шаряфетдинов Р. Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4 (100). С. 111–116.
5. Птицы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. М.: Сов. энцикл., 1988.
6. Файзуллина Г. Ч. Номинации человека с компонентом-зоонимом в диалектной языковой картине мира (на материале татарских говоров юга Тюменской области). TATARICA. 2017. № 1 (8). С. 22–41.
7. Карамашева В. А. К вопросу о своеобразии художественного перевода пьесы Аяза Гилязова «Три аршина земли» на хакасский язык // TATARICA. 2017. № 2 (9). С. 7–31.
8. Аккош. Мифология. URL: [http://tt.wikipedia.org/wiki/Аккош\\_\(мифология\)](http://tt.wikipedia.org/wiki/Аккош_(мифология)) (дата обращения: 25.04.2014).
9. Татарская литература без границ / [сост.: А. Мушинский, Л. Шаех]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017.
10. Коран. Пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова. СПб.: ДИЛЯ, 2009.
11. Образцов А. В., Сулейманова А. С. Стратегия «Счастья» Зюльфию Ливанели: нарратив и визуальность // Российская тюркология. 2019. № 1–2 (22–23). С. 142.
12. Мухаметдинов Р. Ф. Тюрки в истории мировой цивилизации. Казань: Грумант, 2018.
13. Мухамадиев Р. Свои люди: избранное. М.: Дружба литератур, 2012.
14. Гиматдинова Н. Грустить не буду... (повесть) // С востока свет: проза татарских писателей / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019.
15. Татарская поэзия / [сост.: Л. Р. Газизова и др.]. М.: ООО МАГИ «Из века в век», 2012. (Из века в век. Поэзия народов кириллической азбуки).

16. Давлетшина Л. Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.
17. Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Казан: “Матбугат йорты” нәшрияты, 2005.
18. Татарское народное творчество: в 15 т. Т. 3: Бытовые сказки. Казань: Магариф, 2009.
19. Давлетшина Л. Х. Архетипический образ Людей-Птиц в современной татарской прозе // Фәнни язмалар. 2004. Казан: РИЦ «Школа», 2005. С. 110–118.
20. Мухамадиев Р. С. Взлететь бы мне птицей...: роман / пер. с тат. Р. Фаткуллиной. М.: Голос-Пресс, 2008.
21. Мухамадиев Р. С. Мост над адом: роман. М.: Голос, 1996.
22. Габидуллина Ф. Г., Хабибуллина Л. И. Образ птицы в татарской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–1 (39), Ч. 1. С. 32–34.
23. Полуденный закат: Современная проза татарских писателей / пер. с татар. Г. Хасановой. Казань: Татар. книж. изд-во, 2006.

## REFERENCES

1. Novgorodova E. A. *Obraz ptitsy kak odin iz simbolov istoriko-kulturnogo edinstva altayskikh narodov Tsentralnoy Azii*. In: *Proceedings of the XXIX Session of the Permanent International Altaistic Conference*. Tashkent, 1986.
2. Abasheva D. V. et al. *Ptitsa kak obraz, simbol, kontsept v literature, kulture i yazyke: coll. monogr.* Moscow: Knigodel, 2019.
3. Zagidullina D. F. *Tatarskaya poeziya i proza rubezha XX–XXI vekov: esteticheskie orientiry i khudozhestvennyye poiski: monogr.* Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2019.
4. Sharyafetdinov R. Kh. Mifopoeticheskiy obraz konya kak otrazhenie kultury tyurkskikh narodov v sovremennoy tatarskoy literature. *Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva*. 2018, No. 4 (100), pp. 111–116.
5. Ptitsy. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. Vol. 2. Moscow: Sov. entsikl., 1988.
6. Fayzullina G. Ch. Nominatsii cheloveka s komponentom-zoonimom v dialektnoy yazykovoy kartine mira (na materiale tatarskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti). *TATARICA*. 2017, No. 1 (8), pp. 22–41.
7. Karamasheva V. A. K voprosu o svoeobrazii khudozhestvennogo perevoda pyesy Ayaza Gilyazova “Tri arshina zemli” na khakasskiy yazyk. *TATARICA*. 2017, No. 2 (9), pp. 7–31.
8. Akkosh. Mifologiya. Available at: [http://tt.wikipedia.org/wiki/Akkosh\\_\(mifologiya\)](http://tt.wikipedia.org/wiki/Akkosh_(mifologiya)) (accessed: 25.04.2014).
9. Mushinskiy A., Shaekh L. (comps.) *Tatarskaya literatura bez granits*. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2017.
10. Koran. Transl. from Arabic and commentary. M.-N. O. Osmanova. St. Petersburg: DILYa, 2009.
11. Obratstov A. V., Suleymanova A. S. Strategiya “Schastyia” Zyulfyu Livaneli: Narrativ I Vizualnost. *Rossiyskaya tyurkologiya*. 2019, No. 1–2 (22–23), pp. 142.
12. Mukhametdinov R. F. *Tyurki v istorii mirovoy tsivilizatsii*. Kazan: Grumant, 2018.
13. Mukhamadiev R. *Svoi lyudi: izbrannoe*. Moscow: Druzhba literatur, 2012.
14. Gimatdinova N. Grustit ne budu... (povest). In: *S vostoka svet: proza tatarskikh pisateley*. Transl. from Tatar by G. Khasanova. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2019.
15. Gazizova L. R. et al. (comps.) *Tatarskaya poeziya*. Moscow: OOO MAGI “Iz veka v vek”, 2012. (Iz veka v vek. Poeziya narodov kirillicheskoy azbuki).
16. Davletshina L. Kh. Mifologizm v tatarskoy proze kontsa XX–XXI vekov. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Kazan, 2005.
17. Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Казан: “Матбугат йорты” нәшрияты, 2005.
18. Татарское народное творчество. In 15 vols. Vol. 3: Bytovye skazki. Kazan: Magarif, 2009.
19. Davletshina L. Kh. Arkhetipicheskiy obraz Lyudey-Ptits v sovremennoy tatarskoy proze. *Fanni yazmalar*. 2004. Kazan: RITs “Shkola”, 2005. Pp. 110–118.



20. Mukhamadiev R. S. *Vzletet by mne ptitsej...: roman*. Transl. from Tatar by R. Fatkullina. Moscow: Golos-Press, 2008.
21. Mukhamadiev R.S. *Most nad adom: roman*. Moscow: Golos, 1996.
22. Gabidullina F. G., Khabibullina L. I. *Obraz ptitsy v tatarskoy literature. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014, No. 9–1 (39), Part 1, pp. 32–34.
23. *Poludennyi zakat: Sovremennaya proza tatarskikh pisateley*. Transl. from Tatar by G. Khasanova. Kazan: Tatar. knizh. izd-vo, 2006.

---

**Шаряфетдинов Рамиль Хайдарович**, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XX–XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет

**e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su**

**Sharyafetdinov R. Kh.**, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

**e-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su**

*Статья поступила в редакцию 17.06.2021*

*The article was received on 17.06.2021*